

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 66–74.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 4 (81). P. 66–74.

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.006

ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА В ВОССТАНИИ «БОКСЕРОВ» 1900–1901 ГГ. И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Сорокопудова Ольга Евгеньевна¹, Драгунов Данила Романович²

¹⁻² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

¹o.srkpdv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7862-4903>

²bookeenyuly@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2221-9447>

Аннотация. Восстание «боксеров» 1900–1901 гг. и последующий ввод российских войск в Маньчжурию привели одновременно к усилению влияния России на Дальнем Востоке и к ухудшению русско-японских отношений. Как и в любой абсолютной монархии, члены российского правительства могли с высокой степенью свободы определять вектор политики своего ведомства, пока с этим согласен император, что делает особенно важным раскрытие роли личности политиков и их взглядов. Следовательно, цель исследования – раскрытие процесса формулирования и принятия решений российского руководства по вопросу действий России в китайском восстании «боксеров» в 1900–1901 гг. Для достижения цели были привлечены мемуары основных участников событий, материалы переписки между членами российского руководства и дипломатические акты. Первые две группы источников содержат исчерпывающую информацию о планах российского руководства и процессе принятия решений, в то время как акты отражают конкретные политические шаги и иллюстрируют специфику политического контекста. Позиция руководства, в сущности, заключалась в сохранении свободы действия и укреплении собственных прав относительно Китайско-Восточной железной дороги. Но этих целей удалось достичь ценой ухудшения отношений с Японией, Великобританией и союзным Китаем, что сделало российское преобладание в регионе нестабильным и временным явлением.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, В. Н. Ламсдорф, А. Н. Куропаткин, Ли Хунчжан, восстание «боксеров», Китайско-Восточная железная дорога, ввод российских войск в Маньчжурию, русско-японские отношения, корейский вопрос, заключительный протокол

Для цитирования: Сорокопудова О. Е., Драгунов Д. Р. Планы российского руководства в восстании «боксеров» 1900–1901 гг. и их реализация // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 66–74. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.006>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

PLANS OF THE RUSSIAN ADMINISTRATION IN THE BOXER UPRISING IN 1900–1901 AND THEIR REALIZATION

Olga E. Sorokopudova¹, Danila R. Dragunov²

¹⁻²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹o.srkpdv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7862-4903>

²bookeenyuly@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2221-9447>

Abstract. The Boxer Uprising in 1900–1901 and the subsequent occupation of Manchuria by Russian troops led simultaneously to the strengthening of Russian influence in the Far East and the

deterioration of Russian-Japanese relations. As in any absolute monarchy, members of the Russian government could determine the policy vector of their department with a high degree of freedom as long as the emperor agreed with it, which makes it especially important to reveal the role of the politicians' personalities and their views. Consequently, the purpose of the study is to reveal the process of formulation and decision-making of the Russian administration on the issue of Russia's actions in the Boxer Uprising in 1900–1901. In order to fulfill the goal, the study drew on memoirs of the main participants of the events, materials of correspondence between members of the Russian administration and diplomatic acts. The first two groups of sources contain exhaustive information about the plans and decision-making process of the Russian administration, while the acts reflect specific political steps and illustrate the specifics of the political background. The position of the administration, in essence, was to maintain a free hand and to strengthen its own rights regarding the CEL. These goals were achieved, however, at the cost of deteriorating relations with Japan, Great Britain and allied China, which made Russian domination in the region an unstable and temporary phenomenon.

Keywords: S. Y. Witte, V. N. Lamsdorf, A. N. Kuropatkin, Li Hongzhang Boxer Uprising, CEL, Russian invasion in Manchuria, Russian-Japanese relations, Korean question, Boxer Protocol

For citation: Sorokopudova O. E., Dragunov D. R. Plans of the Russian administration in the Boxer Uprising in 1900–1901 and their realization. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 4 (81), pp. 66–74. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.006>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Восстание «боксеров» («ихэтуаней») в Китае в 1900–1901 гг. является важным эпизодом международных отношений накануне русско-японской войны, поскольку последующий ввод российских войск в Маньчжурию, во-первых, сделал Россию одним из основных акторов на китайском дипломатическом театре, во-вторых, ускорил эскалацию конфликта между Петербургом и Токио. Особенностью царской дипломатии указанного периода является большая роль именно персональных убеждений и решений, в частности императора Николая II и триумvirата Куропаткин – Ламсдорф – Витте, поэтому выявление основных позиций и их мотивации является важным в объяснении собственно реальных политических шагов.

Таким образом, цель нашего исследования – это раскрытие процесса принятия решений в царском руководстве по вопросу восстания «боксеров».

Участие России в восстании «боксеров» подробно изучено в отечественной и зарубежной историографии. Б. Б. Глинский в своем «Прологе русско-японской войны...» [13], будучи представителем дореволюционной историографии, пользовался материалами С. Ю. Витте. Эти обстоятельства привели к довольно односторонней оценке российской политики на Дальнем Востоке как безусловно миролюбивой с подчеркиванием роли названного выше министра финансов. Б. А. Романов опубликовал монографию «Россия в Маньчжурии...» [14] уже в советское время, что привело, скорее, к негативной оценке действий России на Дальнем Востоке. По сравнению с «Прологом...», был привлечен более значительный корпус источников, что, однако, не сместило акцента с роли С. Ю. Витте, и вся российская дальневосточная политика, по сути, ассоциировалась с его деятельностью. В современной историографии наиболее значительной работой по теме является «Не отстать от держав...» И. В. Лукоянова [11]. Автор уже более сдержан в оценках российской дипломатии на Дальнем Востоке, указывая на защиту интересов и выполнение задач собственной безопасности, несмотря на значительные провалы. С. Ю. Витте и его роль в исследовании занимает важное место, однако, не меньшее внимание уделено взглядам и интересам других членов российского правительства, в частности А. Н. Куропаткина. Предметом работы О. Р. Айрапетова «На пути к краху...» [1] является сама русско-японская война, однако четырнадцать глав автор уделит дипломатической предыстории конфликта, где немало часть источников составляют мемуары и правительственная переписка. В оценках

автор сдержан, но в 1900–1901 гг. делает акцент на противоречивости и непоследовательности российской политики в регионе. В зарубежной историографии наиболее значительной работой остается монография «Истоки русско-японской войны» за авторством Я. Ниша [15]. Автор пусть и ссылался на некоторые российские публикации, особенно на работы историков в эмиграции, однако привлекал преимущественно японские и британские источники, что сказалось уже на оценке действий Японии как безусловно миролюбивых, в то время как Россия рассматривалась как агрессор. К указанным авторам мы будем обращаться в исследовании, но стоит отметить, что раскрытие взглядов членов российского правительства не было их основной задачей.

Для достижения цели также была привлечена источниковая база, включающая дипломатические акты, поскольку они иллюстрируют конкретные действия царской дипломатии, дипломатическую, правительственную и личную переписку, так как она, главным образом, содержит информацию о позициях русского императора и его сановников. Основной корпус источников опубликован в 3, 14, 18 и 63 томах «Красного архива» [7–10].

Основная часть

Восстание «боксеров» в Китае было направлено против иностранцев и сочувствующих им китайцев. В задачи исследования не входит подробная его характеристика, но необходимо отметить, что по факту движение зародилось в 1898 г. и не привлекало особого внимания у иностранных держав, в том числе у России [11, с. 345]. Лишь в середине мая 1900 г. в Петербурге было получено известие, что весь дипломатический корпус в Пекине подвергся нападению восставших «боксеров», а железнодорожное и телеграфное сообщение между Пекином и Тяньцзинем было оборвано [7, с. 14].

На этот момент у России в Маньчжурии были существенные интересы и вложенные ресурсы – Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) уже составляла более 1 300 км, Харбин постепенно превращался в крупный городской центр, началось строительство нового города Дальнего, в ряде населенных пунктов открылись отделения Русско-Китайского банка и особых судебных органов для решения вопросов между русскими и китайцами («Цзяо-шэ-цзюй»), а общие расходы на период 1895–1899 гг. составили 144 млн руб. против почти 380 млн руб. со стороны Великобритании совместно с Германией [14, с. 240–241].

Россия уже имела гарнизон в 12 тыс. человек в Порт-Артуре, однако было решено не вмешиваться в карательную экспедицию других держав, а ограничиться лишь четырьмя тысячами человек со скромной целью охраны безопасности жизни и собственности русских подданных. У этого был и другой смысл: если бы русская сторона послала значительные силы, это вызвало бы симметричный ответ Японии [7, с. 14–15]. Не менее важным приоритетом оставалось и поддержание пекинского двора в борьбе с восстанием [11, с. 345]. Дружественность российских намерений даже выражалась в том, что четырехтысячный отряд отправлялся в Пекин именно с целью помощи правительству в охране дипломатических миссий [13, с. 104].

Русско-китайские отношения поначалу были относительно положительными, даже удалось убедить князя Цина в апреле 1900 г. официально выступить в защиту христиан и против восстания, к чему его не смогли склонить другие державы [7, с. 9–11]. Решение, вероятно, диктовалось желанием Пекина угодить Петербургу, так как в секретном указе император все-таки призвал народ уничтожить всех иностранцев [1, с. 146]. Это привело к тому, что уже в мае Пекин был взят силами восставших, а дипломатический квартал оказался в осаде, в которой восставшим помогали и регулярные войска [1, с. 147]. После убийств некоторых иностранных дипломатов необходимость военного вмешательства стала очевидна заинтересованным иностранным государствам, в том числе и России, однако примечательно, что ее скрытые цели по поддержке пекинского двора не изменились [7, с. 16]. Эти намерения лишь укрепились, когда Ли Хунчжана, через подкуп которого Петербург и заполучил контракт на КВЖД, вновь назначили советником императрицы Цы Си [14, с. 250–251]. Также необходимо обратить внимание, что образ действий России объясняется не столько дружелюбием

к Китаю, сколько желанием не связывать себя никакими соглашениями и обязательствами с другими державами (даже с союзной Францией [7, с. 21–22]) и сохранять свободу действий [7, с. 16]. Этим объясняется и решение назначить на пост главнокомандующего немецкого генерала А. фон Вальдерзее, хотя этот пост мог принадлежать и адмиралу Е. И. Алексееву, на чем настаивал настроенный на открытую войну с Пекином военный министр А. Н. Куропаткин [7, с. 18]. В. Н. Ламсдорф, сменивший летом 1900 г. М. Н. Муравьева на посту министра иностранных дел, указывал на туманность реальных выгод или просто возмещения убытков России в случае назначения своего главнокомандующего международным корпусом [7, с. 18]. Франция предъявляла претензии, что Петербург с ней не посоветовался в назначении А. фон Вальдерзее, однако обещаниями о стабильности союзных отношений конфликт был исчерпан [7, с. 24–25]. Расчет в назначении был и на то, что немецкий генерал все равно не успеет прибыть на театр боевых действий к моменту полного подавления восстания [8, с. 35–36].

В Токио восстание было встречено, конечно, с опасением, но до убийства посла А. Сугиямы в Пекине оно не торопилось предпринимать какие-либо действия. Даже после убийства посла премьер-министр Я. Аритомо считал, что отправление большого отряда вызовет негодование других держав, поэтому предпочитал ожидать приглашения [15, с. 72]. Было решено ограничиться двумя пехотными дивизиями под командованием генерала Я. Фукусимы, что примечательно, эксперта по России.

Японцы были готовы двинуть 30-тысячный отряд в одиночку, но получили отпор других держав, в том числе России. И тем не менее японцы послали отряд примерно в 22 тыс. человек, что составляло более половины всего экспедиционного корпуса, и даже рассчитывали на главнокомандование, но были вынуждены согласиться на Вальдерзее [15, с. 76]. Спасательный же корпус для Пекинской операции содержал 10 тыс. японцев при 54 пушках, пока Россия предоставила 4 тыс. при 16 пушках [6, с. 61]. Такое сравнительно небольшое число войск также позволяло, не вмешиваясь по существу, не позволить другим державам решать важные вопросы без России [7, с. 16]. Что до количества японских войск, российская сторона не стала оказывать сильного противодействия, поскольку не верила, что притязания Токио будут существенно удовлетворены другими державами [7, с. 16].

К середине июня силы восставших дошли до Маньчжурии, а 21 июня КВЖД была атакована [14, с. 249–250]. Одновременно последовал и приказ Цы Си с объявлением войны иностранцам, что привело к мобилизации Сибирского и Приамурского военных округов [1, с. 151]. Железнодорожные работы остановились, а уже построенные пути были сильно повреждены. Очевидно, это вынудило и министра финансов С. Ю. Витте как главного интересанта в делах КВЖД просить об укреплении охраны дороги. Однако Витте поначалу был против ввода регулярных войск в Маньчжурию, поскольку это преждевременно испортило бы отношения с Китаем [13, с. 11–112]. Мнение С. Ю. Витте вообще не отличалось последовательностью и менялось в течение последующих дней, что в итоге оформилось в приказ о вводе войск в Маньчжурию 26 июня [13, с. 114–115]. К слову, цифра в 100–150 тыс. чел. появилась все-таки по инициативе С. Ю. Витте послать как можно больше людей [9, с. 104], и поначалу эта цифра не вызвала никаких возражений [8, с. 32–33], вопреки обвинениям в сторону А. Н. Куропаткина уже в его более поздних измышлениях, особенно в «Воспоминаниях» [2, с. 148]. Позднее С. Ю. Витте даже считал, что длительный контроль китайских территорий мог спровоцировать такие же действия других держав, дошло бы и до оккупации Кореи Японией [13, с. 119–120]. Вероятно, не последней предпосылкой обвинений была личная неприязнь, судя по частым упоминаниям и весьма грубым выражениям С. Ю. Витте в сторону А. Н. Куропаткина в письмах к министру внутренних дел Д. С. Сипягину [8, с. 34]. Точно можно говорить о том, что взгляды Витте и Куропаткина были в прямом противоречии по вопросу стратегии России в регионе: если министр финансов рассчитывал ограничиваться только зоной КВЖД и сотрудничеством с Китаем, то военный министр не видел в Китае перспективного партнера и предлагал поучаствовать в его разделе [11, с. 345].

В маньчжурском вопросе было три противоречивых эпизода, имевших критическое значение для перспектив России в регионе: нападение на русские контингенты в Нючжуане, атака Благовещенска китайскими войсками 1 июля и заявление русского правительства об экспедиции в Маньчжурию от 12 августа. Первые два обстоятельства представляют собой формально обоснованный «казус белли», особенно второе, но Петербург предпочел ввести войска без объявления войны. Так как действия не классифицировались как война, в русском заявлении был подчеркнут временный характер контроля над Маньчжурией, пока не будет восстановлен порядок [7, с. 17–18]. Сам Николай II считал, что вся Маньчжурия должна быть пройдена русскими войсками с севера на юг [7, с. 34]. Китайская экспедиция позволяла как эффективно обеспечить охрану дороги и собственности Общества КВЖД, так и усилить русское экономическое и политическое влияние, однако это действие в перспективе серьезно усиливало напряженность в отношениях с другими странами, в особенности с Великобританией, поскольку та рассматривала Россию как конкурента, и с Японией, поскольку та тоже была интересантом в районе Маньчжурии, а также ожидала торга по вопросу о Корее, которого так и не получила. Цели и задачи экспедиции многократно изменялись в зависимости от дипломатической конъюнктуры, но общее намерение министров и Николая II сформировалось в декабре 1900 г. в противоречивом виде – не возвращая Маньчжурию Китаю, тем не менее не присоединять ее к России, ограничиваясь преимущественными правами в регионе [14, с. 278]. Хотя А. Н. Куропаткин все же считал необходимостью сохранять контроль китайских территорий лишь на время постройки КВЖД, после чего можно было бы ограничиться корпусом в 8 батальонов [7, с. 41–42]. С. Ю. Витте сетовал, что перевозка значительных сил в регион – это крайне долгая и трудоемкая задача из-за расстояния и природных условий, особенно в ситуации отсутствия инфраструктуры [8, с. 32–33].

Территория вокруг КВЖД из-за незначительности сил «боксеров» и их сравнительно слабой организации была освобождена русскими войсками уже к 20 августа 1900 г. [11, с. 347]. После этого русские войска боролись преимущественно с разрозненными бандитскими группами, а само восстание «боксеров» перестало иметь значение для Петербурга и даже не указывалось как обстоятельство, нарушающее мирный порядок.

Реальное столкновение между С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткиным произошло по вопросу о движении войск на Пекин. Как было отмечено выше, военный министр был склонен к решительным действиям, в то время как министр финансов считал это крайним шагом, если другие меры не приведут к умиротворению ситуации, поскольку данные действия могли негативно сказаться как на христианах в Пекине, так и на русско-китайских отношениях [8, с. 33–35].

Продвижение русских войск по направлению к Пекину, по инициативе Куропаткина и, разумеется, не без санкции Николая II, состоялось почти втайне от С. Ю. Витте и В. Н. Ламсдорфа, что логично вызвало их недовольство. Аргументация обоих министров заключалась в том, что император сам публично заявлял, что Россия настроена исключительно миролюбиво и не заинтересована в присоединении территорий Китая, в то время как русские войска активно захватывали города и устанавливали там российские государственные флаги [8, с. 39–41]. На совещании 12 августа 1900 г. увещевания, очевидно, возымели успех, так как Николай подтверждал мирную программу действий, а А. Н. Куропаткин лишь уступал [8, с. 41].

Когда в тот же день Пекин был взят международным корпусом, Россия ограничилась лишь формулированием основных принципов действий держав в «боксерских» событиях, которые заключались в поддержании общего согласия, сохранении государственного строя Китая, сохранении его целостности и восстановлении законного правительства в Пекине, а также эвакуацией собственных войск, что было предложено и другим державам [7, с. 28]. Последний шаг, частью экономической, частью имиджевой, был отвергнут всеми державами и в очередной раз вызвал их опасения

относительно намерений Петербурга. На этом активное участие России в подавлении восстания «боксеров» фактически завершилось.

Идея Парижа образовать международную конференцию для переговоров с Китаем после восстания поначалу была отвергнута Петербургом из-за противоречивости интересов держав, однако в русско-французских контактах фактически была предложена платформа впоследствии проведенной конференции, заключающаяся в подтверждении Китаем всех своих обязательств, запрете ввоза в него оружия, наказании зачинщиков восстания, выплате контрибуции. В последнем, однако, Петербург не был полностью уверен из-за сомнительных возможностей Пекина по уплате [7, с. 31–33]. Когда переговоры стали неизбежными, Петербург в своих отношениях с Пекином сразу же разделил их на два вопроса: общий, касающийся всех держав, и частный, касающийся исключительно интересов России [7, с. 35–36]. Эта установка впоследствии привела к безуспешным попыткам сепаратных переговоров в 1901–1903 гг., которые окончательно привели к конфронтации с Великобританией и Японией.

Японцы тоже предпочли уйти из Пекина, так как Токио опасалось повторения «тройственного вмешательства» [15, с. 74], а также нуждалось в ресурсах, которые можно было бы в перспективе применить в Корее или Южном Китае [15, с. 78], все еще рассчитывая на размен Маньчжурия – Корея («Ман-Кан кекан»), о чем ставший министром иностранных дел Дз. Комура намекал русскому послу А. П. Извольскому [15, с. 79]. Однако Россию это предложение по-прежнему не интересовало. По существу, это убедило Японию, что укрепление ее позиций будет действительно возможно только в итоге конфронтации с Россией, поскольку она не верила в заявления о временном характере военного контроля над Маньчжурией, следовательно, видела это своим очередным дипломатическим поражением [10, с. 12–13].

Японии были предложены некоторые уступки в Корее, чтобы снять напряжение, но они встретили категорический отказ, пока не будет восстановлен статус-кво [14, с. 294]. Тем не менее корейский вопрос сдвинулся с мертвой точки, пусть и не самым выгодным для России образом. Бывший министр иностранных дел Т. Като в беседах с А. П. Извольским именно в это время увязал корейский вопрос с маньчжурским, правда, речь шла о том, что Япония согласна на желаемую для России нейтрализацию Кореи лишь при условии эвакуации русских войск из Маньчжурии [15, с. 98]. Естественно, такое не устраивало Петербург даже больше, чем полная сдача Кореи.

Русская дипломатия в Пекине, пусть и выступала за минимальную сумму контрибуции, по итогу истребовала 184 млн руб. из-за причиненного КВЖД ущерба восстанием. Для сравнения: Япония ограничилась 50 млн руб. [5]. Конечно, Россия на это шла довольно неохотно, ведь были перспективы заключить выгодное сепаратное соглашение с Китаем взамен контрибуции [14, с. 261].

С этим связан другой просчет царской дипломатии. Е. И. Алексеев и Н. И. Гродеков 27 октября 1900 г. заключили временное соглашение с мукденским военным губернатором («цзянцзюнем»). Это мероприятие было санкционировано Куропаткинским [14, с. 266–267]. Соглашение частично восстанавливало власть мукденского губернатора, на которого возлагалось поддержание общественного порядка и спокойствия. Китайские войска, ответственные за военные столкновения в Маньчжурии, подлежали разоружению, а возведенные ими укрепления должны были быть уничтожены. Все это должно было происходить под русским контролем [12, с. 263–264]. Аналогичные договоры были заключены 5 июля 1901 г. строительным управлением КВЖД с гириньским губернатором [3, с. 145–147], а также с хэйлунцзянским губернатором 1 января 1902 г. [4]. Состояли они в том, что в Харбине учреждалось Главное отделение иностранных и железнодорожных дел, уполномоченное решать дела, связанные с КВЖД в регионах, с китайскими и русскими подданными, работавшими на железной дороге. Известно, что С. Ю. Витте участвовал в подкупе губернаторов с разрешения Николая II [11, с. 351]. Данные договоры предполагались прототипами общего соглашения, проектируемого, в основном, Куропаткинским и Витте, с пекинским правительством, когда оно вернется после восстания [14, с. 269–270]. Соглашения не могли

не привлечь к себе внимания. Во-первых, такое соглашение способствовало более глубокому утверждению России в Маньчжурии, что совершенно не удовлетворяло другие заинтересованные державы, во-вторых, соглашение было заключено с местной властью в обход центральной, что не соответствовало равноправным союзным отношениям, в-третьих, соглашение весьма серьезно подрывало китайский суверенитет на указанной территории. Изначально это не встречало негативную реакцию китайского правительства, более того, Ли Хунчжан сам отдал распоряжения губернаторам Фынтяня и Гирина пойти на переговоры, но их содержание оставило у Пекина тяжелое впечатление [15, с. 91]. Несмотря на вышеуказанные негативные последствия, в краткосрочной перспективе Россия приняла все возможные меры для собственного закрепления в Маньчжурии.

Выводы

Таким образом, российское руководство стремилось отстраниться от участия в конфликте и при подавлении восстания «боксеров» предполагало ограничиться незначительными силами. Однако участие пекинского двора в восстании и нападение на территорию КВЖД вынудили Петербург привлечь экспедицию из 100–150 тыс. солдат, благодаря которым удалось установить контроль над Маньчжурией. России пусть и удалось закрепиться в регионе и защитить КВЖД, что открывало перспективы дальнейшей экспансии, тем не менее обострило конфликт с Японией и охладило русско-китайские отношения. Кроме того, отказ от объявления войны и декларация временного военного контроля над регионом сделали преобладание России в Маньчжурии нестабильным и скоротечным. Вызвано это было тем, что царское руководство, не будучи последовательным, старалось сохранить свободу действий и преумножить привилегии в регионе даже ценой стабильных отношений с другими державами и даже за счет собственного союзника в лице Китая.

Список литературы

1. Айрапетов, О. Р. На пути к краху. Русско-японская война. Военно-политическая история / О. Р. Айрапетов. – Москва : Алгоритм, 2015. – 496 с.
2. Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II / С. Ю. Витте. – 2-е изд. – Ленинград : Государственное изд-во, 1924. – Т. 1. – 510 с.
3. Договор между строительным управлением КВЖД и Гириным Цзянцзюнем от 5 июля 1901 г. – URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/41-60/55.php (дата обращения: 13.07.2024).
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. Китайский стол. – Оп. 491.1910. – Д. 978. – Л. 12–13. – URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16620/16701.html> (дата обращения: 13.07.2024).
5. Заключительный протокол между Китаем и иностранными державами от 7 сентября 1901 г. – URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/41-60/56.php (дата обращения: 13.07.2024).
6. Исии, К. Дипломатические комментарии / К. Исии ; пер. под ред. и с предисл. А. А. Трояновского. – Москва : Государственное изд-во полит. лит-ры, 1942. – 236 с.
7. Красный архив / под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче. – Москва – Ленинград, 1926. – Т. 1 (14). – 292 с.
8. Красный архив / под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче. Москва – Ленинград, 1926. – Т. 5 (18). – 227 с.
9. Красный архив / под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче. – Москва – Ленинград, 1923. – Т. 3. – 327 с.
10. Красный архив. – Москва : Госсозэкгиз, 1934. – Т. 2 (63). – 147 с.
11. Лукоянов, И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. / И. В. Лукоянов. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. – 668 с.
12. Предварительное русско-китайское соглашение о системе управления в Мукденской провинции от 27 октября 1900 г. // Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Ленинград : Ленинградский восточн. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1928. – С. 267–269.
13. Пролог русско-японской войны: материалы из архива графа С. Ю. Витте / с предисл. и под ред. Б. Б. Глинского. – Петроград : Брокгауз и Ефрон, 1916. – 352 с.

14. Романов, Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Б. А. Романов. – Ленинград : Ленинградский восточн. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1928. – 634 с.
15. Nish, I. The origins of the Russo-Japanese war / I. Nish. – New York : Longman, 1985. – 420 p.

References

1. Ayrapetov, O. R. *Na puti k krahu. Russko-yaponskaya voyna. Voенno-politicheskaya istoriya* [On the road to collapse. The Russo-Japanese War. Military and political history]. Moscow: Algoritm; 2015, 496 p.
2. Vitte, S. Yu. *Vospominaniya. Tsarstvovanie Nikolaya II* [Memories. The reign of Nicholas II]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo; 1924, vol. 1, 510 p.
3. *Dogovor mezhdu stroitelnyim upravleniem KVZhD i Girinskim Tsyantszyunem ot 5 iyulya 1901 g.* [Contract between the CEL Construction Department and Girin Jiangjun dated 5 July 1901]. Available at: https://drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/41-60/55.php (accessed: 13.07.2024).
4. *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire*. Found Kitayskiy stol, inventory 491.1910, case 978. Available at: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16620/16701.html> (accessed: 13.07.2024).
5. *Zaklyuchitelnyy protokol mezhdu Kitaem i inostrannymi derzhavami ot 7 sentyabrya 1901 g.* [Boxer Protocol between China and the Foreign Powers of 7 September 1901]. Available at: https://drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/41-60/56.php (accessed: 13.07.2024).
6. Isii, K. *Diplomaticheskie kommentarii* [Diplomatic commentaries]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury; 1942, 236 p.
7. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive]. Ed. by V. V. Adoratsky, V. V. Maksakov, M. N. Pokrovsky, V. P. Polonsky, V. M. Fritzsche. Moscow – Leningrad: Central Archives of the RSFSR; 1926, vol. 1 (14), 292 p.
8. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive]. Ed. by V. V. Adoratsky, V. V. Maksakov, M. N. Pokrovsky, V. P. Polonsky, V. M. Fritzsche. Moscow – Leningrad: Central Archives of the RSFSR; 1926, vol. 5 (18), 227 p.
9. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive]. Ed. by V. V. Adoratsky, V. V. Maksakov, M. N. Pokrovsky, V. P. Polonsky, V. M. Fritzsche. Moscow – Leningrad: Central Archives of the RSFSR; 1923, vol. 3, 327 p.
10. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive]. Moscow: Gossotsekgiz; 1934, vol. 2 (63), 147 p.
11. Lukoyanov, I. V. “*Ne otstat ot derzhav...*” *Rossiya na Dalnem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* [“To keep up with the powers...” Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2008, 668 p.
12. *Predvaritelnoe russko-kitayskoe soglasenie o sisteme upravleniya v Mukdenskoy provintsii ot 27 oktyabrya 1900 g.* [Preliminary Russian-Chinese agreement on the system of administration in Mukden Province of 27 October 1900]. *Romanov B. A. Rossiya v Manchzhurii (1892–1906): ocherki po istorii vneshney politiki samoderzhaviya v epokhu imperializma* [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Age of Imperialism]. Leningrad: Leningrad Oriental Institute named after A. S. Yenukidze; 1928, pp. 267–269.
13. *Prolog russko-yaponskoy voyny: materialy iz arkhiva grafa S. Yu. Vitte s predisloviem i pod redaktsiyey B. B. Glinskogo* [Prologue of the Russo-Japanese War: materials from the archive of Count S. Y. Witte with a foreword and edited by B. B. Glinsky]. Petrograd: Brokgauz i Efron; 1916, 352 p.
14. *Romanov, B. A. Rossiya v Manchzhurii (1892–1906): ocherki po istorii vneshney politiki samoderzhaviya v epokhu imperializma* [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Age of Imperialism]. Leningrad: Leningrad Oriental Institute named after A. S. Yenukidze; 1928, 634 p.
15. Nish, I. *The origins of the Russo-Japanese war*. New York: Longman; 1985, 420 p.

Информация об авторах

*Сорокопудова О. Е. – кандидат политических наук;
Драгунов Д. Р. – магистрант.*

Information about authors

*Sorokopudova O. E. – Candidate of Political Sciences;
Dragunov D. R. – graduate student.*

Вклад авторов

Сорокопудова О. Е. – разработка концепции исследования, обоснование цели статьи; доработка текста.

Драгунов Д. Р. – обработка и анализ материала, написание исходного текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Sorokopudova O. E. – development of the research concept, substantiation of the purpose of the article; text revision;

Dragunov D. R. – processing and analysis of the material, writing the original text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.